

RUSS

20 Pfennig
(200 Milliarden)

30. 3. 1924

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

Сегодня Наш Мир

Объявления. Цена в золотых марках:

30 золотых пфеннигов за миллиметр (ширина строки) в отделе объявлений,
1000 марка 85 пфен. за миллиметр в тексте,
15 золотых пфеннигов за миллиметр за объявления о рожденьях и смерти,
10 зол. пфеннигов для врачей,
15 " " " " право, повременных,
10 зол. пфен. за миллиметр для испуганных людей.
Основанъ I. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминки и В. Д. Набоковымъ †

При крупныхъ заказахъ скидки по тарифу. Заграничные объявления по особому тарифу. Приемъ объявлений и полировки въ „Ullsteinhaus“, Berlin SW 68, Kochstr. 22-26, и во всѣхъ городскихъ отделенияхъ Ullstein'a. Редакция (такъ же) открыта ежедневно отъ 11 час. утра до 3 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ 1/2 до 3/8 часа дня. Телефоны редакцiи Nabokoff 47-61.

съ иллюстрированными воскресными приложениями „НАШЪ МИРЪ“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Sonntags-Ausgabe Nr. 13

№ 1010-й

Воскресенье, 30 марта 1924 г.

5-й г. изд.

Воспоминания Станиславского.

Чрезвычайно живо и интересно написаны главы, появившиеся в последних номерах американского *Forum'a* и посвященные воспоминаниям об А. Чехове. Они дают богатый материал для характеристики писателя.

В 1899 г., вследствие усилившейся болезни Чехову удалось приехать в Москву только к концу сезона, но он настаивал на постановке «Чайки»: «Послушайте, повторяйте он при каждом удобном случае — я должен уехать. Я вѣдь авторъ ея. Какъ могу я еще, чтонибудь написать пока я «Чайку» не видѣлъ?»

Специальной постановки состоялось въ Никитскомъ театрѣ. На немъ присутствовали Чеховъ и еще съ десятокъ другихъ зрителей. Впечатлѣніе, какъ мы и ожидали было лишь весьма посредственнымъ. Послѣ каждого акта Чеховъ бѣгалъ на сцену и на его лицѣ не видно было слѣдовъ какой-нибудь внутренней радости. Но какъ только онъ видѣлъ оживленіе за кулисами, онъ снова находилъ въ себѣ бодрость и начиналъ улыбаться, такъ какъ онъ очень любилъ театральную жизнь за кулисами. Некоторыхъ изъ актеровъ Чеховъ хвалилъ, другихъ ругалъ. Это послѣднее относилось особенно къ одной актрисѣ, притомъ которой Чеховъ былъ крайне недоволенъ.

— Послушайте, скажите онѣ, она не можетъ играть мою пьесу. У васъ вѣдь имѣется другая актриса, которая эту роль сыграла бы гораздо лучше — она куда лучшая актриса.

— Но какъ намъ отнять у нея роль теперь, когда сезонъ уже кончился? — защищались мы. Это было бы равносильно тому, если бы мы ее исключили изъ труппы. Подумайте какой это былъ бы для нея ударъ. Она не вынесла бы его.

— Послушайте, я тогда пьесу возьму обратно отъ васъ, — сказала онѣ въ за-

ключеніе, почти съ жестокостью, удививъ насъ своей твердостью и суровостью. Несмотря на свою исключительную мягкость, деликатность и доброту, Чеховъ былъ строгъ и безжалостенъ въ вопросахъ искусства и никогда не соглашался на компромиссы... Чтобы не разволновать и не возмолновать большого писателя мы ему не прекословили въ надеждѣ, что со временемъ все забудется. Но не тутъ то было. Иногда, когда мы меньше всего это ожидали, Чеховъ вдругъ возвращался къ этому вопросу: «Послушайте, говорилъ онъ, да вѣдь она не можетъ играть мою пьесу.»

Во время спектакля онъ какъ будто бы старался забыть меня. Я ждалъ его у себя въ уборной, но онъ не приходилъ. Это было плохой признакъ. Тогда я самъ къ нему пошелъ.

— Ну, ругайте меня, Антонъ Павловичъ — я попросилъ его.

— Чудесно! Послушайте, это было чудесно. Только вамъ надо надѣть рваные башмаки и клѣтчатыя брюки.

Онъ мнѣ больше ничего не хотѣлъ сказать. Что это значило? Что онъ просто не хотѣлъ высказать свое мнѣніе. Или онъ надо мной насмѣхался? Тригоринъ въ «Чайкѣ» молодой писатель, любящій женщинъ — и вдругъ долженъ носить рваные башмаки и клѣтчатыя брюки. Я игралъ эту роль въ изысканнѣйшемъ костюмѣ: бѣлые брюки, бѣлый жилетъ, бѣлая шляпа, туфли и въ «красивомъ» галстукѣ.

Годъ или два спустя я снова игралъ роль Тригорина въ «Чайкѣ» и на одномъ изъ представлений я сразу понялъ, что Чеховъ хотѣлъ сказать. Ну конечно, башмаки должны быть рваные и брюки клѣтчатыя и Тригоринъ не долженъ быть красивымъ. Въ этомъ, вся соль роли. Для молодыхъ неопытныхъ дѣвушекъ эпоситъ достаточно, чтобы человекъ былъ писателемъ и печаталъ трагическія, сантиментальныя повѣсти и Нины Зарѣчныя одна за другой будутъ бросаться ему на шею не замѣчая, что онъ бездаренъ, что онъ не-

красивъ, что онъ носитъ клѣтчатыя брюки и рваные башмаки. Только потомъ, когда любовная интрига съ такими «чайками» кончилась, начинають онѣ сознавать, что лишь дѣтское воображеніе создало въ ихъ представленіи «великаго гения» вмѣсто простой посредственности. И глубина и значительность лаконическихъ замѣчаній Чехова поразила меня. Это было такъ характерно для него.

Вотъ наконецъ, и Бахчисарай, теплое веселое утро, цвѣты, яркія одежды татаръ, ихъ живописные головные уборы, солнышко. А вотъ и весь бѣлый Севастополь. Бѣлый песокъ бѣлыхъ домовъ, мѣловыя горы, синее небо, синее плывущее море, бѣлая облака и ослѣпительное солнышко. Но спустя всего нѣсколько часовъ небо покрылось темными тучами, море почернѣло, подпалась вѣтеръ, пошелъ дождь въ перемежку съ онѣгомъ и раздался безконечный звукъ утраченного морского гудка.

Мы были всѣ одѣты повосеннему и потому мерзли. Но пришла Пасха и съ нею неожиданно пріѣхалъ Чеховъ. Онъ обычно приходилъ на утреннія собранія труппы въ Городскомъ саду. Разъ, услышавъ, что мы ищемъ доктора для заболѣвшаго нашего артиста Артема, котораго Чеховъ очень любилъ, Антонъ Павловичъ вдругъ послышалъ обыкновеннымъ голосомъ: — Послушайте, да я же врачъ этого театра.

Онъ очень гордился своимъ медицинскимъ званіемъ, гораздо больше чѣмъ своимъ писательскимъ способностямъ.

— Моя постоянная профессія — это медицина, но я иногда подписываю въ свободное время — говаривалъ онъ очень серьезно.

Но минутой спустя онъ начиналъ смѣяться, почти показываясь отъ хохота. Онъ сталъ лечить своего любимца Артема, для котораго онъ специально написалъ роль Чебутылина въ «Трехъ сестрахъ» и Фирса въ «Вишневомъ саду». Онъ ему про-

писалъ валеріановыя капли, точъ въ точъ какъ шутя ихъ прописывалъ д-ръ Доржъ въ «Чайкѣ».

Наступилъ вечеръ перваго нашего представленія въ Севастополѣ. И мы наконецъ показали Чехову его «Дядю Ваню». Спектакль былъ на редкость удачнымъ и авторъ вызывалъ на сцену, перелѣ занавѣсомъ, много разъ. На этотъ разъ Чеховъ представленіемъ былъ видимо доволенъ. Это былъ первый публичный спектакль, въ которомъ онъ насъ видѣлъ. Въ антрактахъ онъ приходилъ ко мнѣ въ уборную хвалить меня, а послѣ конца спектакля онъ слѣлалъ одно только замѣчаніе по поводу сцены, когда Астровъ уѣзжаетъ.

— Онъ повснствиваетъ. Послушайте, онъ повснствиваетъ. Дядя Ваня платитъ, а Астровъ повснствиваетъ.

И опять я долго ничего отъ него не могъ добиться. Но знаю, что подъ его лаконическими замѣчаніями всегда таилась какой то глубокий смыслъ, я сталъ ломать себѣ голову надъ новымъ ребусомъ, который онъ мнѣ поставилъ.

«Какъ это такъ? — говорилъ я себѣ, Печалъ, безнадѣжность и, вдругъ, веселое повснствиваніе?»

Но его замѣчаніе само собой, какъ то вдругъ стало яснѣмъ на одномъ изъ послѣдующихъ представлений. Вѣра въ то, что сказалъ Чеховъ, я сталъ повснствивать. Что изъ этого выйдетъ? И я сразу почувствовалъ, что свистъ глубоко правдивъ, что Астровъ долженъ свистѣть. Онъ потерялъ вѣру въ людей и жизнь до такой степени, что становится циникомъ. Люди уже бесцельны задѣтъ, или оскорбятъ его. Но по счастью для Астрова онъ любитъ природу и служить ей всей душой, не думая о наградахъ; и сажая и разводя дѣся оны вѣрять, что этимъ кормятъ рѣки, которые безъ него и ему подобныхъ засохли бы.

Изъ Севастополя мы поѣхали въ Ялту, гдѣ насъ ожидалъ весь цвѣтъ литературы Россіи, точно нарочно за этимъ и пріѣхавшихъ въ Крымъ, чтобы посмотреть на насъ.

Бунинъ, Кудринъ, Маминъ-Сибирякъ, Чериковъ, Станюковичъ, Елпатьевскій и новый литературный кумиръ Максимъ Горькій, который жилъ тогда въ Крыму и въ слабахъ легкихъ — всё они были тамъ. Кроме писателей было еще много актеровъ и музыкантовъ и среди нихъ молодой и многообещающій Рахманиновъ, безумно восторгавшійся Чеховымъ и какъ писателемъ, и какъ личностью.

Въ Ялтѣ же мы впервые познакомились съ Горькимъ, которого мы старались угостить написанъ для насъ пьесу. Однако вечеромъ, сидя на террасѣ и прислушиваясь къ звуку крымскихъ волнъ, Горькій рассказывалъ мнѣ въ темнотѣ плавъ новой пьесы, которую онъ задумалъ и которой онъ позже далъ названіе «На днѣ».

Описание Крымской поѣздки заканчиваясь рассказомъ, какъ Чеховъ вспоминалъ по поводу того, что матушка его, собираясь въ театръ на пьесу «Антонъ», достала изъ сундука древнее шелковое платье и хотѣла надѣть его въ честь событія.

Затѣмъ слѣдуетъ описание пребыванія Чехова въ Москвѣ въ 1900 году.

Осенью 1900 г. Антонъ Павловичъ пріѣхалъ въ Москву совсѣмъ больнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ присутствовалъ на всѣхъ репетиціяхъ своей новой пьесы, названіе которой онъ все еще не могъ придумать. Разъ вечеромъ онъ мнѣ позвонилъ по телефону, просилъ немедленно пріѣхать къ нему по дѣлу. Онъ былъ боленъ и самъ не могъ выйти изъ дому. Навѣщать Чехова всегда было рѣдкой радостью. Я бросилъ всѣ свои дѣла и пошелъ къ нему. Онъ былъ очень оживленъ, несмотря на болѣзнь. Видимо онъ не хотѣлъ сразу говорить о дѣлѣ и предпочиталъ приберечь его къ концу, какъ ребенокъ прибегаетъ къ сладкому въ самому концу обѣда. Тѣмъ временемъ мы всѣ утѣшились за чайнымъ столомъ и всемо хотѣлось, такъ какъ невыносимо было не смѣяться въ обществѣ Чехова.

Когда кончили пить чай, Антонъ Павловичъ повелъ меня къ себѣ въ кабинетъ, закрылъ дверь, самъ сѣлъ въ свой традиціонный уголъ и усадилъ меня передъ нимъ.

— Послушайте, я придумалъ удивительное названіе для пьесы. Удивительное названіе.

— Какое? — И весь горѣлъ отъ любопытства и волненія.

— Вишневы садъ!

И онъ сталъ похачиваться въ радостномъ смѣхѣ.

Признаюсь, я не совсѣмъ понималъ повода его радости, такъ какъ не видѣлъ ничего необычнаго въ названіи. Но я старался дѣлать видъ будто его открытіе произвело на меня впечатлѣніе, въ то же время стараясь уяснить себѣ, почему это названіе такъ привлекало его. Но ядѣсь я наткнулся на одну изъ странныхъ чертъ характера Чехова. Онъ никогда не былъ въ состояніи формулировать то, что онъ создавалъ. Онъ могъ только стараться объяснить красоту названія пьесы, повторяя его на разныхъ ладахъ, смакуя его, съ разными интонаціями и оттѣнками въ голосѣ.

— Вишневы садъ! Послушайте, это вѣдь удивительное названіе, Вишневы садъ! Вишневы...

Онъ явно говорилъ о чемъ то прекрасномъ, нѣжно-любимомъ и этотъ внутренній смыслъ названія отражался на всѣхъ словахъ, а въ интонаціяхъ голоса Антона Павловича. Очень осторожно я ему на это намекалъ. Мои слова какъ будто огорчили его: радости и торжественности исчезли съ его лица и нашъ разговоръ вдругъ заморозился.

Прошло нѣсколько дней, можетъ быть недѣля послѣ этой встрѣчи. Антонъ Павловичъ сталъ чувствовать себя лучше и уже началъ выходить. Разъ, во время спектакля, онъ пришелъ ко мнѣ въ уборную, и

улыбнулся рядомъ со мной у гримировальнаго столика.

— Послушайте, не Вишневы, а Вишневый садъ, — сказалъ онъ съ торжествующей улыбкой.

Чеховъ любовно повторялъ слова, напиралъ на нѣжный звукъ е въ немъ, словно старался съ его помощью поглядѣть, подкаслать прежнюю прекрасную жизнь, которая уже стала ненужной, которую онъ самъ такъ любовно и о слезами уничтожилъ въ своей пьесѣ. На этотъ разъ я повалилъ всю огромную и въ то же время столь тонкую разницу. Вишневый садъ — коммерческое предпріятіе приносящее доходъ. Такой фруктовый садъ туженъ жизни даже въ настоящихъ условіяхъ. Вишневый садъ выкапывалъ доходы не приносилъ. Онъ таилъ въ себѣ и во всей своей цвѣтущей бѣлѣзнь великую поэзію умирающей жизни аристократіи. Вишневый садъ растетъ для красоты, для глazu избалованныхъ эстетовъ. Жалко его выращивать, но надо, ибо этого требуютъ экономическія условія жизни...

Сравнивая поведение Чехова на репетиціяхъ съ поведеніемъ другихъ авторовъ, я не могу не высказать удивленія крайней скромности великихъ людей и безграничному честности второстепенныхъ писателей. Однѣ изъ послѣднихъ, напримеръ, когда я предлагалъ сократить многословный и фальшиво звучащій монологъ въ его пьесѣ, отвѣтилъ мнѣ съ необычайной самоуверенностью и съ гнѣвомъ оскорбленнаго самолюбія въ голосѣ.

— Что же, сократите, но не забудьте, что за это вы будете нести отвѣтственность передъ исторіей.

Но когда мы ознакомились предложить Антону Павловичу сократить цѣлую сцену въ концѣ второго акта «Вишневаго сада», онъ сталъ такъ грустенъ и блѣденъ, что мы испугались боли, которую мы ему причинили. Но подумавъ нѣсколько минутъ, онъ овладѣлъ собой и сказалъ:

— Сокращайте.

Никогда потомъ онъ ни словомъ не упомянулъ объ этомъ инцидентѣ. И кто знаетъ, былъ можетъ онъ нѣмѣлъ бы притомъ насъ упрекать, такъ какъ отчетъ невозможно, что только благодаря воли режиссера, а не автора, была сокращена прекрасная написанная сцена. Когда молодые люди (Аня и Трофимовъ) убѣгаютъ отъ Вари съ болѣвшимъ шумомъ, на сцену приходитъ Шарлотта съ ружьемъ, и ложится на сѣнѣ, нѣльзя популярную вѣчную пѣсню. Едва въ состояніи двигать ногами входитъ Фирсъ зажатая спичка и ища въ травѣ вѣтеръ обреченный Любовью Андреевны. Этими двумя одинокими существамъ не о чемъ говорить другъ съ другомъ, но говорить хочется, такъ какъ человеческое существо должно же съ кѣмъ нибудь говорить. И Шарлотта начинаетъ рассказывать Фирсу о дняхъ, когда она служила въ паркѣ и дѣлала салы-томорале — тѣ самыя слова, которыя въ тевернейшей нашей редакціи пьесы она произноситъ въ началѣ акта, когда она на сценѣ вытѣсь съ Еликоловымъ, Яшей и Дунашей. И въ отвѣтъ на ея рассказъ Фирсъ пространно и невразумительно говоритъ о какомъ то смутномъ событіи его юности, когда кого то куда то увозили въ телегѣ подъ крышей и плачь, и Фирсъ передаетъ эти звуки словами «спингъ-клангъ». Шарлотта не понимаетъ ничего въ его рассказѣ, но подкашываетъ его реплику такъ, чтобы единственный общій моментъ въ жизни этихъ двухъ одинокихъ людей не былъ нарушенъ. Они восклицаютъ, другъ другу: «спингъ-клангъ» и оба покривно хохочутъ. Такъ кончался сначала у Чехова этотъ актъ.

Но послѣ бурной сцены съ Аней и Трофимовымъ такое иррическое окончаніе понимало общее настроеніе акта и мы не могли его опять подвѣять. По всей вѣроятности ошибка была, нашъ, мы были виноваты, но автору пришлось пострадать въ наше неумѣніе.

А какъ бы поступила новосозданная внаменитость на мѣстѣ Чехова?